

лос горящей и «в огне не горящее, в лесу не блудящееся» родительское благословение — способны ее преодолеть и связать два мира между собой.

Источники

Архив ШТНК — Архив Школы традиционной народной культуры. Вологда, 1998—2008.

Барсов 1872 — *Барсов Е. В.* Причитания северного края. Ч. 1. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М., 1872.

Ефименкова 1980 — *Ефименкова Б. Б.* Севернорусская причеть. М., 1980.

Истомин, Ляпунов 1899 — *Истомин Ф. М., Ляпунов С. М.* Песни русского народа, собранные в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году. СПб., 1899.

Шайжин 1911 — *Шайжин Н. С.* Олонечский фольклор. Похоронные причитания Олонечского края (новая запись). П. Петрозаводск, 1911.

Шейн 1900 — *Шейн П. В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 2.

Литература

Даль 1991 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991.

Данилов 1906 — *Данилов В.* Символика птиц и растений в украинских похоронных причитаниях // Киевская старина. 1906. Т. ХСIV. № 11/12. С. 611—628.

Ефремова 2005 — *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц. М., 2005.

Зуева 2002 — *Зуева Т. В.* Русский фольклор: Словарь-справочник. М., 2002.

Имяреков 1995 — *Имяреков М. Г.* Лирика душевной печали: Мордовская обрядовая поэзия. Причитания. Саранск, 1995.

Маковский 1996 — *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.

Руденко 1982 — *Руденко М. Б.* Курдская обрядовая поэзия: похоронные причитания. М., 1982.

СВГ — Словарь вологодских говоров: учеб. пособие по русской диалектологии / под. ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда, 1983—2007. Вып. 1—12.

Славянская мифология 1995 — Славянская мифология. Энциклопедический словарь / науч. ред. В. Я. Петрухин. М., 1995.

Ушаков 2000 — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1; Репринтное издание: М., 2000. Т. 1 (А — Кюрины).

Фасмер 1984 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 2 изд., стер. М., 1984. Т. 1 (А — Д).

Е. А. САМОДЕЛОВА
(Москва)

ЕЛОЧКА В РЯЗАНСКОЙ СВАДЬБЕ

В статье И. Проходцова «Предбрачные обычаи и убытки у крестьян Рязанской губ.» (1895) содержится наблюдение: «В Рязанском уезде (села: Пушино, Льгово, Голенчино, Дядьково) и Скопинском (Бараково) на день девичника бывает обычай оплакивать так называемую “девичью красоту”, которую изображает маленькая, в аршин высоты, елочка, убранный разными “тряпочками” (лоскутками), лентами, конфетами и пряниками. Г. Весин <Современный великоросс в его свадебных обычаях и домашней жизни // Русская мысль. 1891. № 9. С. 81, сн. 32>, указывая на этот обычай, ошибается, относя его к обычаю крестьян всей Рязанской губернии. Такого обычая нет во многих уездах, например, в Сапожковском. Он почти существует исключительно в селах Рязанского уезда и то по правую сторону Оки» [Проходцов 1895, 39].

Логично, что елка в качестве свадебного деревца использовалась в тех населенных пунктах Рязанщины, где она произрастала, — в частности, в Рязанской Мещёре и некоторых других лесистых местностях Рязанской губ./обл. На остальной территории применялись ее аналоги (эквиваленты). Девушки готовили вечнозеленое деревце — *ёлку* (наиболее частое название), *репей* [Данковский музей], *репейник*, *подожок* [Гилярова 1992, 35]; она же именуется *роща*, *венок* [РЭМ]; *цветы*, *свет*, *комарики* [МГК 1985] и др. На территории Рязанской области прослеживается целый ряд разновидностей свадебного деревца — от елки до палки (см. ниже): «На девичнике “наряжали батики” — прутики» (д. Никонова Чучковского р-на [МГК 1980, сеанс 9]); сваха-позываха с подругами невесты шла приглашать ее родственников на девичник при помощи *бамдика* — наряженной лентами палки наподобие жезла, знака ее полномочий (д. Успенкова Шацкого р-на [Морозов и др. 2001, 109]).

В с. Восход (быв. с. Польштевы Пеньки) Кадомского р-на елочку называ-

ли *цветами* или *комариками* по первой строчке песни «Я с комариком», которую пели с приплясыванием, идя девичником по улице [Гилярова 1992, 35]. Деревце обычно применялось один раз, но есть сведения о многократном его использовании: «Для свадьбы делали специальные «цветы» — *камарики* — это засушенная ёлка, разукрашенная всякими ленточками, тряпочками, на верхушку насаживался цветок из тряпок. *Камарики* несли человек 5—6 впереди всей процессии. Когда пели — приплясывали на ходу, кружась и вверх поднимая и подкидывая *камарики*. *Камарики* использовали на нескольких свадьбах. На *камарики* навешивают бубенчики» [МГК 1985].

Украшенная елочка имела и менее распространенные названия: *свет*, что обозначало «цвет девичьей жизни, цвет лица невесты» [МГК 1985], и *роща*, которые нашли отражение в песне «Зеленая роща, желтый цвет...» [РГАЛИ].

Для южной части Рязанщины типичен *репей* — одноименное растение, иногда по традиции называемое елкой. Например, во время пребывания невесты в бане «её подруги готовили *репей*. На столе ставили и украшали ветку репейника» (с. Хрущёво-Подлесное Данковского р-на [Данковский музей]). В с. Хрущёво-Подлесное бытовала приуроченная к свадьбе семейная песня «Репей» с повторяющимися начальными строками первых двух куплетов: «Ой, и где мой *репей*, // Ой и где мой молодой?» [Там же], с дальнейшим развертыванием сюжета про четыре горя и про пятую кручину молодой замужней женщины, вызванными проживанием в большой родительской семье мужа.

Елку (суковатое развесистое деревце около метра) или репей вешали на обвитую полотенцами дугу лошади и везли в церковь в с. Корневое Скопинского р-на [ИЭА].

В некоторых локальных традициях Рязанской обл. (см. выше) наблюдается определенное противоречие между ритуальным атрибутом — *засушенной елкой* — и песенным образом — вечнозеленым деревцем. Это не уникальное явление Рязанщины: в соседней лесной Владимирской области срубленная елка также предварительно высушивалась и очищалась от хвои; украинское «гільце»

делалось из голой ветки плодового дерева и т. п. [Весільні пісні 1988, 9].

Повторим: на Рязанщине в XIX—XX вв. сохранились обрядовые действия с ёлочкой начиная с девичника. Девушки украшали ёлку лентами, конфетами, зажженными свечами, носили ее по деревне (д. Божатково [Мансуров 1928—1933, вып. 5, № 491]; д. Асаново Рязанского у. [Там же, вып. 2, № 190]; с. Озёрки Сараевского р-на. [АА, тетр. 1, № 111]). Невеста сидела за столом, на котором стояла убранная лентами и поставленная в бутылке елка (Зарайский у. [Шейн 1900, 556]). Эта обрядовая ситуация отражена в свадебной песне:

На горе-то стоит ёлочка

Перед горюю стоит <с>ветёлочка,

Перед ёлочкой сидит свет Аннушка...

Она сидит горько плачет:

Собрать-то её есть кому,

А проводить-то её в Божий храм некому
(д. Толстые Миловского р-на [МГК,

и. 2153-12, ф. 3577]).

Зачин «На горе-то стоит ёлочка...» также принадлежит другим свадебным песням с иными сюжетами: 1) невеста «плачет, как река льётся», расчесывая косу; 2) девушку хотят увести из светелки батюшка или матушка, но удаётся только жениху (с. Озёрки Сараевского р-на [АА, тетр. 1, № 35; Киреевский 1986, № 419, 480]). В. А. Водарский считал ель деревом грусти и тоски [Водарский 1914, 45]. Примечательно, что в свадебном обряде елочкой невесты часто являлась именно верхушка дерева. Но из этого не следует, что елка на девичнике символизировала умерших батюшку или матушку: ведь у большинства невест родители были живы и потому песня сироты не исполнялась, а ритуал с елочкой применялся в любом случае (если он являлся типичным для данной локальной традиции).

Образу вечнозеленого деревца посвящен ряд песен, в которых уже в первой строке назван вид деревца невесты: подружки украшали елку лентами и цветной бумагой под песню «На горе-то стоит ёлочка», шли с ней в дом жениха с песнями и пляской (с. Отрада Путятинского р-на [Гилярова 1992, 68]); после расплетания косы невесты и ее плача, примерно через 10 минут подружки пели «Уж ты ёлка, ёлка-сосен-

ка» (д. Сергиевка Милославского р-на [МГК 1982, сеанс 30]).

Елка являлась центральным образом исполнявшейся сироте песни. Название дерева допускает повтор в уменьшительно-ласкательной форме: «Эх ты ель же, моя ёлочка...» (с. Тимошкино Шиловского р-на [АА, тетр. 8, № 14]); «Уж ты ель, моя елюшка...» (с. Троица Спасского р-на [МГК, и. 1853-38, ф. 3277]). В д. Мелекшино Старожиловского р-на пели песню сироте:

Ели-ели, распустила ели веточки
С плода-кореня и до маквочки.
Как у нашей у несчастной Марьюшки
Нету родимой матушки...
[АА, тетр. 19-А, с. 29].

Встречается и парное наименование — «ель-сосна», причем одно из названий дано в уменьшительной форме, реже — сразу два: «Уж ты ёлка, ёлка-сосенка...», «Ой, ты ель моя елюшка, // О, ты ель, ель, сосна кудрявая» (с. Мордово Сараевского р-на [МГК, и. 2139-29, ф. 3563-29; и. 2141-13, ф. 3565-13]). В двойном наименовании главное место принадлежит елке. Вот доказательства этому: 1) слово «ель» и его производные поставлены в начале песни; 2) возможен их контактный повтор — «ель, ель», «ёлка-ёлка»; 3) количественно преобладают обозначения ели над сосной — «Ой ты ель, моя елюшка, // О, ты ель, ель, сосна кудрявая» [Там же].

Появление сосны в обращении к дереву играет второстепенную роль. Это видно из того, что: 1) обозначение сосны возникает в тексте после ели, часто во втором стихе, реже — в конце первого; 2) песня допускает только повтор слогов при распевании — «Ох ты ёлка, ёлка-сосен... сосенка э, ох...» (д. Сандыри Милославского р-на [МГК, и. 2138-24, ф. 3562-24]). Правда, сосна, как и ель, имеет один из двух эпитетов: «кудрявая» или «зеленая». Если хвойное дерево уже в первой строке названо двумя именами, то во второй размещаются два этих эпитета:

Ох ты ёлка, ёлка-сосен... сосенка, э, ох,
Ты зелёная кудрява... кудрявая, э, ох...
(д. Сандыри Милославского р-на [Там же]).

28 «Портрет» хвойного деревца имеет индивидуальные черты: у ели (елы,

елюшки, ёлочки, ёлки-сосенки, ели-сосны) есть сучки-веточки (кусты-веточки, ветки да веточки, сучочки-отросточки, три коренушки), но нет самой маквочки (одной маквочки)¹.

Песенный образ ели-сосны напоминает реально употреблявшуюся в обряде прощания с девичьей волей елочку, которую в Рязанской обл., особенно в Рязанской Мещёре, часто заменяли сосенкой: «Ставят куст наряженный — сосну» (д. Ненашкино Клепиковского р-на [АА, тетр. 1, № 310]).

На девичнике ставили украшенную елку на стол, а на его углы постилали полотенца, которые тут же вышивали девушки; приехавшему жениху говорили: «Подружки вышивают полотенца, все они с красным товаром» и «Положите нам на 4 угла 4 рубля, серединку осеребрите», и женихова родня клала по углам по медной монете, а в центр — серебряную (с. Ильицыно Зарайского у. [Купресов 1889, 6, № 60]). На девичнике «продают жениху узел — подарок невесты», «девушки сидят с ёлкой, приговаривают: “4 угла — 4 рубля, на середочку — золотую гривну”» (с. Ольшанка Милославского р-на [МГК 1982, сеанс 32]). При выкупе невесты в с. Рожново Зарайского у. жених покупал елку, и сваха накрывала ее платком, а подружки перед тем говорили:

У нас 4 угла,
давайте нам 4 рубля,
середочку позолотите,
елочку накройте,
тогда и невесту возьмите (деление на стихи мое. — Е. С.)

[Материалы Рязанской епархии 1889, 242].

Реже встречалась и «обратная» разновидность ритуала: жених приносил

¹ «Ой, ты ель, моя елюшка...» (с. Мордово Сараевского р-на [МГК, и. 2141-13, ф. 3565-13]); «Ох ты ёлка, ёлка-сосен... сосенка, э, ох...» (д. Сандыри Милославского р-на [МГК, и. 2138-24, ф. 3562-24]); «Уж ты ёлка, ёлка сосенка...» (д. Ольшанка Милославского р-на [МГК, и. 2139-29, ф. 3563-29]); «Эх ты ель же, моя ёлочка...» (с. Тимошкино Шиловского р-на [АА, тетр. 8, № 14]); «Ты ела эх моя ёлочка» (пос. Красный Шиловского р-на [МГК, и. 1802-22]); «Уж ты ель, моя елюшка...» (с. Троица Спасского р-на [МГК, и. 1853-38, ф. 3277]); «Ель моя ель, ель зелёная...» (с. Веретье Спасского р-на [РГПИ, 1974, тетр. 2, № 19]).

елку на девичник, а уходя домой, забирал ее с собой (с. Подлесная Слобода Рязанского р-на) [Мансуров 1928—1933, вып. 3, № 285].

В д. Мелекшинё Старожиловского р-на елку ставила партия жениха на крышу его дома, обычно это делал брат и распорядитель свадьбы — дружков: *«Ёлку на крышу на навес становили, наряженная красными тряпочками, стояла и стояла, и облезнет вся, и снегом занесена. “Надо Ивану Семёновичу постановить ёлку”, не мне <не невесте>. Сам постановил — там брат лазил, дружков ставил»* [АА, тетр. 19-А, с. 10. Зап. М. В. Скороходов и автор 10.08.1994 г.]. Еще одно воспоминание об этом обычае в той же деревне: *«Повенчают, наши <невестина родня> идут к жениху, ёлку на крышу ставили разнуряженную, хоть такой вот товарищ поставит»* [Там же, с. 27. Зап. 12.08.1994 г.]. Таким образом, елка служила опознавательным знаком, обозначавшим дом, в который привели новобрачную. Об этом говорили сами уроженцы д. Мелекшинё: *«Ёлку везли, становили на соломенную крышу. — “Ага, ёлка, значить, тут молодые”. Когда хошь снимають»* [АА, тетр. 19-В, с. 51. Зап. 21.08.1994 г.].

Однако вечнозеленое деревце в д. Мелекшинё Старожиловского р-на украшали подружки невесты: *«Срубал ёлку кто хошь, убирала девчата — прям под свадьбу»* [АА, тетр. 19-А, с. 11. Зап. М. В. Скороходов и автор 10.08.1994 г.]. В одних селениях девушки обходились собственными силами, внося посылку лепту принесенными из дома лоскутками и лентами, в других населенных пунктах они обращались за помощью: *«Для ёлки тряпки брали у портнихи, убирала подружки невесты»* (д. Мелекшинё [АА, тетр. 19-Г, с. 19. Зап. М. В. Скороходова и автора 12.08.1994 г.]). Общинный характер обрядов елки замечен в двух моментах: 1) деревце наряжал целый коллектив, подобранный по возрасту и полу, — это подружки невесты; 2) в украшении елочки принимала участие профессиональная портниха, выступающая в данном случае в роли обладательницы и сберегательницы праздничной атрибутики.

Общинный характер приобретали и последующие действия с елочкой, а именно торжественное шествие с

ней по селу или деревне. Старожилы д. Мелекшинё Старожиловского р-на вспоминали красивое убранство елки и демонстрацию ее всем жителям селения: *«В лесу срубать, привезут, убирают разными тряпками. По деревне идти, пляснуть, ей потряхивают — она как царица. Девки уберут»* [АА, тетр. 19-А, с. 28. Зап. 12.08.1994 г.].

В с. Столпцы Старожиловского р-на девушки наряжали елку, подготавливая ее для жениха: *«Девки пять берут, они убирают ёлку, дружков придет за ёлкой»* [Там же, с. 71. Зап. в августе 1994 г.].

В д. Татаркино Старожиловского р-на родственники невесты во время венчания новобрачных доставляют елочку к жениху: *«Впереди несут ёлку, разукрашенную разноцветными ленточками, и ставят на крышу дома жениха»* [Там же, с. 79. Зап. 14.08.1994 г.].

В с. Лучинск Старожиловского р-на с елкой на крыше дома жениха была связана примета: *«Куда ёлка покачнется: если на улицу — невеста убежит, если во двор — невеста будет хорошая хозяйка»* [Там же, с. 114. Зап. 15.08.1994 г.]. В соседней д. Аристово того же района елка не устояла у жениха, но рассказчица не стала трактовать этот случай как сулящий несчастье, а нашла ему бытовое реалистическое объяснение: *«Ёлку на крышу поставили. Крыши соломой крыты, постояла ёлка до ветра, потом и слетела»* [Там же, с. 106. Зап. 15.08.1994 г.].

Жительница с. Константиново Рыбновского р-на предположила калькирование новогодней (рождественской) елки, введенной Петром I, на свадебную елочку: *«Это когда если на Новый год свадьба, то это идут по селу с ёлкой. Например, идут ярочку искать <на в 2-й день после венчания> — ёлка наряженная, а так нет. <...> Раньше-то играли в мясоед». В этом селе ритуал проводился так: «За три дня до свадьбы собираются девушки к невесте **рядить ёлку**. Наряжают лентами и цветами ёлочку или сосенку. На самую макушку привязывается кукла. Ёлка закутывается материей — аршин десять-двенадцать — подарком на платье для будущей свекрови. <...> На следующий день невеста с девушками и с молодыми женицами идут с ёлкой к жениху. Когда идут по улице, деревенские интересуются: “А чем раскрито?” — т. е. каким материалом обернута ёлка. <...> Ёлка*

ставится на стол» [Панфилов 1992, 226]. Очевидно, калькирование дало наложение Петровского нововведения на древний обычай и стало возможным лишь в тех локальных традициях, где изначально применялась зеленая елочка, а не освобожденное от хвои деревце или репей и т. д., т. е. оголенный остов древесного или древовидного растения размером около 1 м.

Тогда становится объяснимым параллелизм свадебных атрибутов: елка символизировала собой невесту, и имелся аналогичный символ для жениха. На Рязанщине узколокально сохранилась параллель «палка = жених»: на девичнике подружки *«к обеду собираются, пообедают, идут по селу с песнями, с гармонью, с ёлкой и палкой наряженными, всех родных собирают, родные песни поют»* (с. Кистенево Чучковского р-на [МГК 1980, сеанс 11]). Понятно, что противопоставление знаков-символов шло по абстрагированной фигуре, по контуру замещающих невесту и жениха предметов: пышная и объемная суковатая елка, похожая на конус, и в виде прямой линии палка. Ср.: на полотенцах и (гораздо реже) на орнаментированных частях одежды вышивались парные женская и мужская фигурки — одиночные и вписанные в какую-либо сюжетную композицию или повторяющиеся, образующие целый ряд (или даже два и более рядов). В обобщенном виде женские фигурки напоминали треугольник, а мужские — прямоугольник, стержень, палку. Следовательно, символика юности, прилагавшаяся к невесте в народном мировоззрении и, по мнению исследователей, заключенная в зеленой елочке, вторична и действительна только для разновидности ритуального атрибута — свежей елочки с пушистой хвоей.

Редкий узор полотенца, состоящий из вышитых крестом елочек красного цвета, сохранился в с. Корневое Скопинского р-на у одной местной жительницы (2006 г.). Наиболее вероятно, что елочка в вышивке не является «пейзажным» образом, но основана на символике свадебных песен и плачей, соотносится со свадебным ритуалом, с елочкой.

В некоторых локальных традициях Рязанщины по ходу свадебного обряда

число елок возрастало с одной до нескольких, выполнявших совершенно другие, дополнительные функции. Например, украшательскую: *«Когда приезжал свадебный поезд наутро, привязывались на дуги ёлочки, убирались дуги полотенцами расшитыми»* (д. Зарбново Кораблинского р-на [Там же, сеанс 15]). Встречался также иной тип елки — гораздо большей по размеру, чем это обычно принято, впервые возникающий позже по ходу свадьбы и наделенный объединяющей символикой: после венчания *«наряжали большую ёлку и сажали под неё жениха с невестой»* (д. Юмашево Кораблинского р-на [Там же, сеанс 14а]).

Разночтения оказались возможными и выглядят логически оправданными потому, что хронологически ритуал с елкой растянут от дня девичника (накануне свадьбы) до второго дня свадьбы у жениха. Так, в с. Добрый Сот Пронского у. елку везли в церковь при венчании и затем укрепляли на трубу дома новобрачного [Мансуров 1928—1933, вып. 1, № 85], что маркировало место проведения обряда. В пос. Солотча Рязанского р-на родители невесты на свадебный пир или на следующее утро приносили елочку, свекровь помещала ее в красный угол и «намахивала» на нее шаль или платок в подарок молодой; затем ходили с елкой по селу с целью показать дар свекрови [АА, тетр. 3, № 236].

Елка символизирует «умирание» невесты в результате перехода в семью мужа: «намахивание» шали на елочку сродни ритуальному покрыванию платком невесты. Образ елового лапника корреспондирует с семантикой смерти: во многих селениях Рязанской обл. бытует разбрасывание еловых веток перед гробом по дороге к кладбищу. Н. П. Гринкова отмечала (безотносительно к Рязанщине), что подружки ставили украшенную елку на могиле девушки [Гринкова 1926, 3].

И. М. Колесницкая, Л. М. Телегина, А. М. Кальницкая очертили ареал бытования «елочки»: Псковская, Владимирская губ.; южные уезды Костромской, Тверской, Ярославской губ.; Рязанская, Тульская, Орловская, Калужская, Тамбовская губ. [Колесницкая, Телегина 1977, 121; Кальницкая 1984, 40], И. М. Колесницкая и Л. М. Телегина,

исследовавшие образ «красоты», указали также эквиваленты елки: репей — в Курской и Самарской губ., березовый веник — в Пензенской и Самарской губ., сук яблони — в Смоленской губ. [Колесницкая, Телегина 1977, 12]. Т. А. Бернштам привела синонимичные елочке наименования — «роща», «сад», «розан», «венки» — и отметила, что в ряде украинских областей первый день собственно свадьбы назывался «деревце» [Бернштам 1982, 51—53].

Елка новобрачных фигурировала на Масленице.

Четверг на Масленичной неделе был особенно популярен на Рязанщине как начало гостевания новобрачных у родни жены. Тогда были соотнесены с Масленицей другие свадебные термины — *побывы* (*позывать*) и *пойти в отводы* (ср. то же на 2-й день свадьбы — см. выше): «Четверг — Широкая Масляна. *Позывали* молодых... <...> *Зять* привозил всем женищинам лапти для катанья. Вечером шли на гору»; «*Побывы* — посещение молодыми родителей жены на Масленицу. К Масленой молодой плёл лапти. Вечером в четверг молодой нёс лапти всей невестинной родне — снохам, свояченицам. Это называется “*пойти в отводы*”. <...> Сколько бы в год свадеб ни было, а гуляют на “*отводах*” на Масленицу все. Когда во время Масляны едут к теще, снаряжают сани, ставят ёлку, кладут мешок лаптей» (с. Чернава Милославского р-на, 1920-е гг. [ИЭА. Рязанский отряд комплексной экспедиции (РОКЭ). № 2358. Соб. Г. А. Носова. № 14. Л. 14-15. Зап. 15.02.1961 г.; № 3. Л. 3-3 об. Зап. 07.02.1961 г.]). С. В. Максимов отметил аналогичный ритуал в соседней Пензенской губ. на Масленицу в четверг: «В этот вечер молодая вспоминает свое девичье житье (так назыв. “перегулки”, как бы повторение свадьбы)...» [Максимов 1903, 363, сноска].

Масленица напоминала свадьбу (с ее девичником, венчанием и вторым днем) своей продолжительностью (от четверга до Прощёного воскресенья) и сменой эмоционального настроения (правда, в обратном порядке — от веселья к грусти).

Итак, рассмотренные материалы позволяют хронологически очертить ряд свадебных ритуалов, в которых

применялась елочка: это срубание и украшение девушками елки за три дня до свадьбы, девичник и баня невесты, отвоз постели невесты к жениху, приезд украшенного елочкой свадебного поезда за невестой, установка елочки на крышу дома новобрачного, дары на свадебном пиру, хождение с деревцем по селу для демонстрации подарка свекрови на второй день, «отводы» на Масленицу к теще. Следовательно, использование елочки в свадебном обряде являлось достаточно протяженным во времени, имело разнообразную семантику и оказывалось одним из своеобразных «смысловых стержней» свадьбы.

Литература

Бернштам 1982 — Бернштам Т. А. Обряд «расставание с красотой» (К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1982. Т. 38. С. 51—53.

Весільні пісні 1988 — Весільні пісні. Київ, 1988.

Водарский 1914 — Водарский В. А. Символика великорусских народных песен (Материалы) // Русский филологический вестник. Варшава, 1914. Т. 72. № 3/4. Пед. отдел.

Гилярова 1992 — Гилярова Н. Н. Музыкальный фольклор Рязанской области / Рязанский этнографический вестник. 1992.

Гринкова 1926 — Гринкова Н. П. «Красота». Л., 6/г. (1926).

Кальницкая 1984 — Кальницкая А. М. Взаимодействие и взаимосвязи поэзии с обрядом в среднерусской свадьбе. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Киреевский 1986 — Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина: в 2 т. Т. 1. Л., 1983.

Колесницкая, Телегина 1977 — Колесницкая И. М., Телегина Л. М. Коса и красота в свадебном фольклоре восточных славян // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обычаями. Л., 1977.

Купресов 1889 — [Купресов, свящ.] С. Ильицыно Зарайского уезда // Рязанские губернские ведомости. 1889.

Максимов 1903 — Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.

Мансуров 1928—1933 — Мансуров А. А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1928—1933. Вып. 1—5.

Материалы Рязанской епархии 1899 — Материалы для историко-статистического описания Рязанской епархии, ее церквей и приходов. С. Рожново ц. Успения Б. Матери (Зарайск. у.) // Рязанские епархиальные ведомости. 1889. № 6.

Морозов и др. 2001 — Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь / авт.-сост. Морозов И. А., Слепцова И. С., Гилярова Н. Н., Чижикова Л. Н. Рязань, 2001.

Панфилов 1992 — *Панфилов А. Д.* Константиновский меридиан. Ч. 2. М., 1992.

Проходцов 1895 — *Проходцов И.* Предбрачные обычаи и убытки у крестьян Рязанской губ. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1895. Вып. 1. Т. 10.

Шейн 1900 — *Шейн П. В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 2.

Архивные источники

АА — Архив автора.

Данковский музей — Рукописный отдел Данковского краеведческого музея (Липецкая обл.): *Бобков С. С.* Старинная свадьба. Записи Данковского р-на. (Точные место и дата записи неизвестны, но после 1941—1945 гг.; автор родом из с. Хрущёво-Подлесное Данковского р-на).

ИЭА — Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Ф. 1379. Т. IV. Л. 28: *Липец П. С.* Свадебный обряд в с. Корнево Скопинского р-на. Рукопись.

МГК — Архив Научного центра народной музыки им. К. В. Квитки Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского.

МГК 1980 — МГК. Лето 1980. Дневники. Тетр. 6. № 1243.

МГК 1982 — МГК. Лето 1982. Дневник. Тетр. 2. № 1303.

МГК 1985 — МГК. 21.01.1985. Дневник. Магнитофон 2. Сеанс 1: с. Восход (б. Полтевы Пеньки) Кадомского р-на.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1420. Оп. 1. Ед. хр. 105: д. Васьническое, с. Колычево Егорьевского у.

РГПИ — фольклорный архив кафедры литературы Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина.

РЭМ — Российский этнографический музей. Фонд кн. Тенишева. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 1432. Л. 2: *Кутехов Ф.* Рязанская губерния, Егорьевский уезд. Свадьба, свадебные обряды и обычаи. Девственность новобрачной. Неспособность мужа к брачной жизни. Власть мужа над женой. Супружеская неверность. 1889. Рукопись. 17 лл.

А. П. КОНККА
(Петрозаводск)

КАРСИККО В ОБРЯДАХ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ФИННО-УГОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Статья посвящена некоторым итогам исследования особым образом отмеченных деревьев-знаков (финское и карельское *karsikko/karzikko*¹), имевших как ритуальное, так и практическое применение в традиционной культуре населяющих Европейский Север народов. Феномен карсикко относится к малоизвестным, но характерным для культуры прибалтийско-финских народов явлениям. Дерево карсикко используется в обрядах перехода — инициации, свадьбы, похорон, — а также в промысловой обрядности как многозначный ритуальный символ со значениями духа-охранителя, заместителя Мирового древа с функциями оберега и медиатора, маркера сакральных границ, инструмента освоения жизненного пространства.

На прибалтийско-финском материале универсальные постулаты, связанные с Древом жизни, являющимся мифологическим средоточием жизненных сил, приобретают конкретные черты, выражающиеся в обряде в определенной, только ему свойственной форме вырубания карсикко. Особая форма и идейное содержание здесь воплощены в конкретном объекте. Всё это делает изучение данного явления и связанных с ним представлений и обрядовых действий особенно значимым для исследователя, в том числе в сравнительно-историческом плане.

Следует отметить сложность мифологических представлений и обрядовой символики карсикко, что легко объяс-

¹ Севернофин. *hurrikas*, южнофин. *ristiuppi*, эстонское *ristikuusk*, *ristipedäjä*, ср. архангельское и вологодское «залазь», коми «пас пу» и другие названия.